

1 июня 1981 года решением Международного планетного центра малой планете № 2342, открытой 22 октября 1968 года Т. М. Смирновой в Крымской астрофизической обсерватории, присвоено имя Николая Лебедева, офицера-танкиста, Героя Советского Союза, павшего в боях под Сталинградом 22 ноября 1942 года.

Газета «Известия», 18 августа 1981 года

*Счастлив я, что с полосы «Известий»
К людям ты вернулся молодой —
Не звездой невечною из жести,
Вечною над Родиною звездой,
Осветившей домик с палисадом,
Навестившей в поздний час края,
Где «рубила» шаг в шестидесятых
Строевая молодость моя.
Где — твои однополчане — порох
Мы сухим держали начеку,
Вслушиваясь в музыку моторов
В том же самом танковом полку;
Где я не примазывался вроде
Ни к делам, ни к подвигам чужим,
А с тобой три года в первой роте,
Как и полагается, служил.*

Полковым измотанный ученьем,
Но не сбитый стужей наповал,
Я кувалдой в тишине вечерней
Мерзлоту из траков выбивал.
Ветошью с брони снежок сметая,
Бездорожье пройденных дорог,
Представлял тебя в горящем танке
И себя — пытался, но не мог...
Горло не тщеславие, а зрелость
Перехватит чем-то вдруг тугим.
Старший лейтенант, мне так хотелось
Стать хоть заряжающим твоим!
И на скулах — не боюсь признаться —
Желваками набухла злость,
Что родиться раньше лет на двадцать
Почему-то мне не удалось.
В самом деле, вроде локоть близок,
Да поди попробуй дотянись...
Старшина меня внёс в ротный список,
А твою фамилию — министр!
Ты, на край заправленной кровати
Не присев тут хоть на полчаса,
Для меня стал воплощеньем бати,
Знавшим, как жилось мне без отца.
О своём земном предназначенье
Можно долго гдумать здесь — пока
Не войдёт поверкою вечерней
Ночь в расположение полка.
Лишь вполглаза в боксах дремлют танки.
Темнота прилипла к скаткам крыш.
Возле коек сушатся портянки
На горячих трубах голенищ.
Спят Серёжки, Сашки и Иваны,
Простынями жаркими шурша.
Богрствуют в казарме лишь дневальный
Да твоя бессонная гуша.
В коридоре, там, где от мастики
Половицы — словно зеркала,

Ты, будильник, звонко так не тикай,
Чтоб братва спокойно поспала.
Лунную дорожку до порога
Вычертит, в окно забравшись, диск...
Хрипло и отрывисто: «Тре-во-га!» —
Снова нас с постелей сбросит вниз.
Кто-то буркнет: «Что такое это?
Где ж людских возможностей предел?!»
Ну а ты с настенного портрета
Вроде бы пригирчиво глядел,
Как летит к дверям волна тугая,
Подхватив пилотки и ремни.
Кто-то в шутку крикнет, пробегая:
«Ты, старлей, за нас тут отдохни».
...Ты прости, что молодость ершиста —
По сердцам распахнутым видней,
Что Отчизна может положиться
На своих отчаянных парней.
Если им, как вам когда-то, жребий
Выпадет безжалостный такой,
На земле прекрасной, в ясном небе,
На воде и в глубине морской,
Отложив в стороночку гитары,
В эскадрильях и в составах рот
Молнию внезапного удара
Парни примут, как громоотвод...
...Отпылал для нас закат вчерашний —
Новый день спешил на смену дню.
Вылез я, растерянный, из башни,
Положил на траки пятерню.
Так, прощаясь с частью, помолчали,
Позабыв все тяготы свои,
Лебедев, твои однополчане
И грузья-ровесники мои.
Нас заждались пашни и заводы,
Мирные заботы и дела,
От которых на три долгих года
Служба срочная оторвала.

Можно с милой вновь бродить по роще,
Слушать шустрый говорок ручья,
Может, потому лишь, что бессрочной
Стала служба ратная твоя.
Вновь тебе придётся терпеливо
Делать на опасных виражах
Воинов-гвардейцев из призыва
Нынешних мальчишек-салажат...
Хоть летят стремглав куда-то годы,
Не узнаешь ты — как ветеран,
Как суставы ломит к непогоде
По сырým осенним вечерам.
Уж мой взводный, лейтенант безусый,
Где-нибудь командует полком,
Ну а ты как был парнишкой русским,
Так и остаёшься — пареньком!
И до капитана дослужиться
Так и не сумеешь никогда...
Ты бы мог сменить х/б на джинсы,
Но тогда б не вспыхнула звезда
Над Невой, в спящем Ленинграде,
В разводных пролётах тишины,
Где давненько стали старше гяди
У сестрёнки младшей пацаны.
Вижу я: походным шагом ровным
Ты идёшь бессменным часовым
По холодным вышкам танкогромным,
По горячим станам полевым.
Свет звезды твоей — как память дорог!
Свет звезды — как голубой костёр
Всех идущих «в лоб» тридцатьчетвёрок,
Подожжённых выстрелом в упор.
Навсегда твоя звезда впитала
Сердца твоего последний стук,
Запах обгоревшего металла,
Русской негиблемости дух!